Павел
Куприянов

«Ожесточённые варвары» с благородным характером

Двести лет тому назад, в конце августа 1805 г., пять линейных кораблей и один фрегат Балтийского флота снялись с кронштадтского рейда и взяли курс на Средиземное море. Командиром эскадры был назначен вице-адмирал Д.Н. Сенявин, перед экспедицией была поставлена задача укрепления базы российского флота на Ионических островах. В январе 1806 г. корабли достигли места назначения, где присоединились к отрядам Черноморского флота, базировавшимся на Корфу, а через год, в декабре 1806 г., сюда же прибыла ещё эскадра капитана-командора И.А. Игнатьева. Таким образом, под командованием Д.Н. Сенявина сосредоточилось полтора десятка линейных кораблей, значительное число более мелких судов и десантный корпус (около 30 тыс. чел.). В сложной и неустойчивой международной обстановке присутствие мощной военно-морской группировки в стратегически важном Средиземноморье должно было послужить укреплению позиций России.

В течение 1806 г. российский флот совместно с войсками Черногории и Боки Которской вёл боевые действия в Адриатическом море и в Далмации. Их целью было предотвратить укрепление французов в этом регионе. В начале русско-турецкой войны, в феврале 1807 г., основная часть эскадры переместилась в Эгейское море, где овладела островом Тенедос у побережья Малой Азии и блокировала пролив Дарданеллы. Пытаясь прорвать блокаду, турки в июне 1807 г. осадили Тенедос, однако в сражении у острова Лемнос и полуострова Афон турецкая эскадра потерпела сокрушительное поражение, потеряв несколько судов, более тысячи человек убитыми и ранеными и более семисот – пленными. На этом масштабные боевые дейст-

Павел Сергеевич Куприянов – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

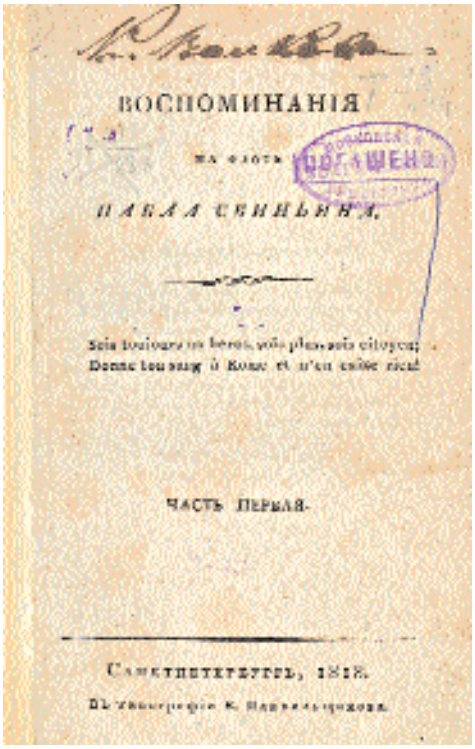
Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 04-01-00011а.

вия эскадры Д.Н. Сенявина в Средиземноморье закончились. После заключения Тильзитского мира российские корабли оставили Тенедос и отправились на родину.

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что экспедиция Д.Н. Сенявина в сравнении с другими военно-морскими предприятиями эпохи довольно хорошо «обеспечена» мемуарными свидетельствами. Записки, дневники, воспоминания В.Б. Броневского, П.И. Панафидина, П.П. Свиньина, Н.М. Клемента, В.А. Сафонова давно и успешно используются исследователями для реконструкции как общего хода кампании, так и отдельных военно-морских операций.

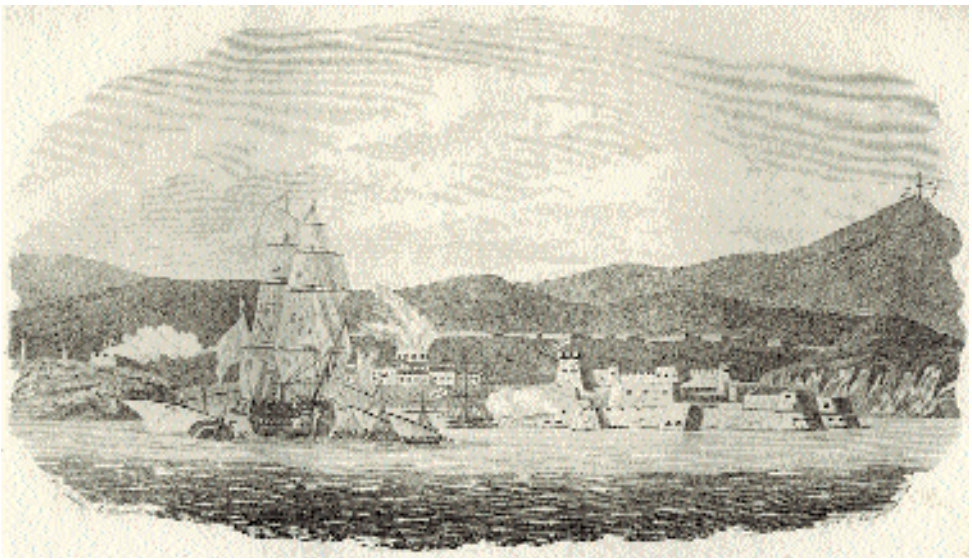
Однако содержание этих материалов не исчерпывается описанием военных событий, значительное место в них занимают другие сюжеты. Рассказы о маневрах кораблей, борьбе со стихией, взятии «призовых» неприятельских судов и кровопролитных сражениях постоянно перемежаются более или менее детальным описанием нравов и обычаев, языка и характера, одежды и жилища различных народов.

Обилие этнографического материала в записках и очевидный интерес авторов к обитателям далёких стран объясняются несколькими причинами. Во-первых, любое путешествие уже само по себе актуализирует проблему Иного, что так или иначе нацеливает путешественника на встречу с другими народами и культурами. Во-вторых, в век Просвещения путешествие рассматривалось как просветительская практика, имеющая целью искоренение предрассудков и суеверий, как способ получения нового, истинного знания о мире, в том


ВОСПОМИНАНІЯ
ПАВЛА СЕНЯВИНА.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
Санктпетербургъ, 1818.

числе (и прежде всего) – о человечестве. Иными словами, от путешественников ждали географических, биологических и особенно этнографических описаний. И в-третьих, очевидно, что продолжительное морское путешествие предоставляло наилучшие условия для реализации всех этих установок, т.к. за относительно небольшой срок можно было ознакомиться с множеством различных народов и культур, тем более что Средиземноморье давало для этого богатые возможности. Имея таким образом не только «мотив», но и необходимые условия

Остров Тенедос.



для этнографических наблюдений, путешественники охотно брались за перо...

Конечно, не все народы описаны в материалах экспедиции одинаково подробно. О ком-то лишь упоминалось вскользь, кто-то удостаивался более пристального внимания. Были и такие, о ком составлялись пространные многостраничные повествования. К последним относятся турки.

«Жестокие притеснители», или Взгляд из Греции

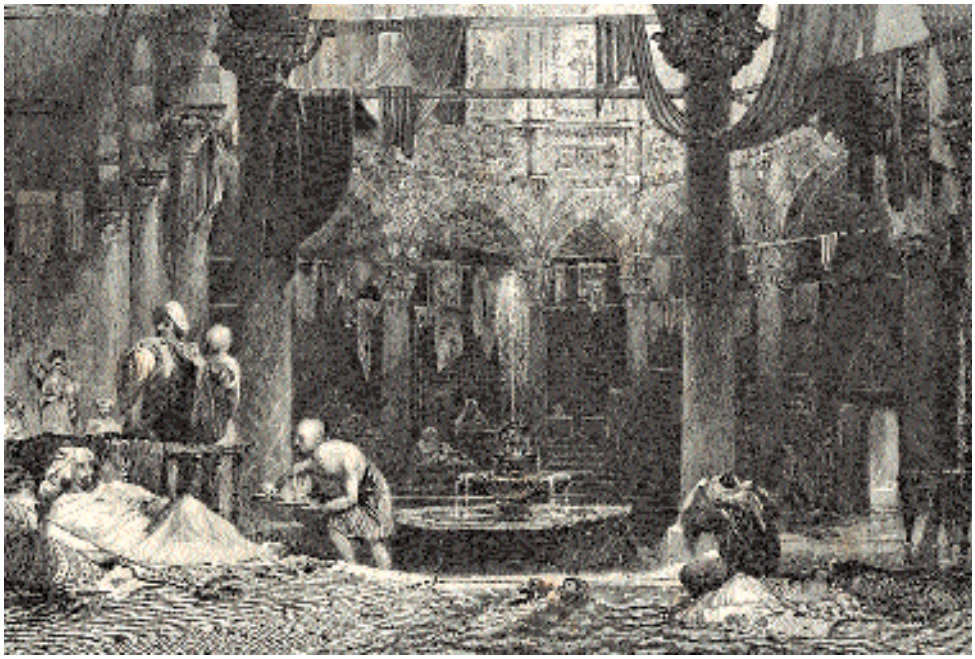
В рассматриваемых записках читателю вряд ли удастся найти однозначный и непротиворечивый образ турок. Более того, у одного и того же автора он может меняться по ходу повествования.

Первые развёрнутые суждения об этом народе путешественники высказывают при описании Греции. И эти суждения оказываются не в его пользу.

«Сегодня объявили войну с турками – и мы идем в Архипелаг, страну классическую и для нас занимательную еще в детстве», – писал П.И. Панафидин. Именно так воспринимали путешественники Грецию: как *классическую* страну, родину наук и художеств, страну легендарных героев и знаменитых подвигов, где «каждый шаг ознаменован славным событием и памятником». Однако книжный образ совершенной страны, населённой потомками великих мужей, никак не соответствовал реальной картине: разрушенные античные памятники, заброшенные пашни и малограмотное население. «Осматривая Греческий монастырь, – замечал В.Б. Броневский, – признаюсь, пожалел я о нынешних Греках, видя дурные строения, бедность и унижение их духа; тщетно предавался я великолепным мечтаниям о славе их предков». Сравнение древней Греции с современной приводило к неутешительным выводам: «Великолепные здания, нравы и даже образ людей подвержены переменам; всё истребляется временем и варварами, в руках которых искусства, науки и художества мертвеют».

И чуть ли не основную причину «ужасных перемен» русские путешественники видели в турецком завоевании. Турки казались им главными виновниками греческого упадка, который российские авторы переживали очень эмоционально. П.П. Свиньин разражается пространной филиппикой: «...кто может простить Туркам, что прекрасную землю сию, жилище Муз, искусств, вкуса изящного, превратили они большею частию в пустыню; плодоносная почва остаётся необработанною, леса вырублены, славные города опустели. С равнодушием и жестокостью неимоверною уничтожают они последние остатки прекрасных образцов Греческого зодчества, образцов, кои когда-либо ум человеческий произвесть мог, пережигая единственные колон-

Было время, Ауруш-базар наполнялся тысячами несчастных жертв, потому что тут продавали военнопленных; но трактаты с европейскими державами положили конец этому нарушению народного права, и теперь на невольничем рынке в Константинополе вы не увидите ничего, кроме негров и негритянок, старух, гаремных служанок и дурных или больных женщин, которые не годятся в одалыки. **Константинополь и турки. Т. I.**



Здесь находится одна из главных константинопольских бань, в которой христиане и мусульмане наслаждаются с равным удовольствием. Мы описали уже страшный процесс, посредством которого посетителя турецкой бани освобождают от всех телесных нечистот. По окончании этой пытки шеллах ведёт его в предбанник, и здесь, в комнате умеренной температуры, омывшийся лежит на диване нагой, только слегка прикрытый шалями, упиваясь чувством своего обновлённого бытия. Ему приносят разные закуски, и, поев их, он погружается в то полусонное состояние, которое есть рай для жителей Востока. **Константинополь и турки. Т. II.**

ны и неподражаемые каменные барельефы на известь! Как можно примириться с мыслью, что варварские мечети заступили место великолепных храмов; что там, где Солоны и Ликурги начертали законы, там сластолюбцы построили гаремы и наполнили их евнухами; там, где восседало правосудие, там висит шнурок жестокого и слабого деспота; там, где мудрость и благородное красноречие Демосфенов поощряло народ к патриотизму и вело Греков по стезе добродетели – там развращённые Мусульмане сонным питием подкрепляют изнурённое тело своё». Подобные пассажи встречаются и у других авторов.

Надо заметить, что этот образ во фрагментах, посвященных грекам и Греции, не отличался оригинальностью – напротив, перед нами стандартное и довольно распространённое представление, отражённое во многих произведениях тогдашней литературы, несомненно, хорошо знакомых нашим путешественникам. «Турки вообще суть пышны, скупы, сердиты, лицемерны, притворны и предаются столь сильно пороку невоздержанности, что не всегда жён... бывает им довольно для утех...», – такая характеристика содержится во «Всемирном путешествователе» аббата де Ла Порта – одной из популярнейших книг, посвященной описанию разных стран и народов и многократно переиздававшейся в России на рубеже XVIII–XIX вв. Во второй половине 1810-х гг. представление о турках как о ленивых и непросвещённых «варварах», не имеющих «никакого понятия о праве естественном и гражданском», воспроизводилось и во «Всемирном русском путешественнике» – кратком справочнике народов мира, и на страницах известного журнала «Вестник Европы».

В сущности, образ турка в литературе того времени (за редкими исключениями) строится в соответствии с абстрактным образом «дикаря», разработанным в философии Просвещения. Популярные историко-философские концепции рассматривали традиционную просветительскую оппозицию *дикости* и *цивилизации* как формулу, отражающую вектор прогрессивного развития человечества. Соответственно «дикое» состояние – начальный этап этой эволюции – оценивалось исключительно негативно, его атрибутами были непросвещённость, отсутствие или слабое развитие «искусств и художеств», неразвитость чувств и в то же время неумение управлять своими страстями, ярким воплощением чего была жестокость. «Дикарям» и «варварам» приписывались безнравственность, леность, антисанитария и многие другие пороки.

Sine ira et studio, или Вглядываясь в чужака

Как видно, описывая турок как варваров, путешественники воспроизводили широко распространённый стереотип. Однако очень скоро личные впечатления перестали ему соответствовать. Пристальное наблюдение и непосредственное общение с турками подвело россиян к сомнению в правильности изначальных клишированных представлений.

«Ниспровергателем основ» оказывается всё тот же В.Б. Броневский, который в разделе «Нечто о турках» отмечает: «Многие путешественники, не зная их [турок. – *П.К.*] языка и будучи предубеждены мечтаниями о славе древней Греции, всё в них осуждали; о действиях их и побудительных к тому причинах часто, по соображению со своими обычаями, судили превратно». Исправляя ошибки предшественников, он стремится нарисовать более честную картину sine ira et studio – «без гнева пристрастия». Он опровергает почти все общие места, присущие европейскому образу турок, начиная с темы угнетения греков. «Многие путешественники... впадают в погрешность, говоря: Греки стонут от ужасных, мучительных притеснений... Терпимость Музульман всегда была снисходительнее Католиков, в землях коих горели костры и столько пролито крови за веру, и даже ныне в их владениях ни за какие деньги нельзя иметь той свободы, какую позволяют Турки, сии мнимые враги имени Христова». Та же мысль повторяется им при описании греческого острова Идры: «Вид довольства и изобилия Идриотов не показывает никакого притеснения Турецкого деспотизма, который неумолкаемо бранят все путешественники. На всех Архипелагских островах, где не живут Турки, жители управляются сами собою и, заплатив годовую подать весьма умеренную, пользуются всею возможною свободою, и даже такою, что можно смело сказать, ни под каким другим самым кротким правлением нельзя иметь равной». В.Б. Броневскому вторит П.П. Свиньин, замечая, что «вид изобилия и всеобщего довольства» островитян «мирит с деспотизмом Турок».

Указав на явное преувеличение угнетения турками греков, путешественник опровергает и другие расхожие представления: о том, что турецкие женщины живут в неволе («Турецкие женщины не столько невольницы, как вообще у нас об них думают...»), о том, что Османская империя представляет собой слабое, умирающее государство («Сколь ни слаба Оттоманская Империя, однако ж, покорение её не так легко, как вообще у нас о том думают»), о том, что иностранцы в Турции подвергаются постоянной опасности («Иностранец, проживающий в Константинополе, пользуется совершенной свободою... ступай, куда хо-

Кладбище Турок... осенённое кипарисами, прохлаждаемое журчащим водоёмом, украшается надгробными памятниками в виде гробниц, пирамид, а большей частью, мраморных столбов, увенчанных грубо иссечёнными чалмами, из коих на тех, кои умерли насильственной смертью, надписано, по повелению какого Султана они были казнены.
В.Б. Броневский.

чешь, делай, что угодно, нигде не остановят...»), оспаривает тезис о деспотичности турецкого правления: «Многие почитают Турецкое правление неограниченным и самовластным; но могла ли нация, бывшая на высшей степени славы и благоденствия, существовать, если бы не имела она коренных законов? Неприкосновенность права собственности нигде, как в Турции, так строго не соблюдается. При малейшем нарушении оного Султаны свергаемы были с престола, Визири лишались жизни... Довольно сказать, что Турция есть единственная земля, где правосудие наблюдается с точностью и беспристрастием. Здесь нет описи имения в казну...».

Параллельно с преодолением исходного негативного отношения к туркам в ходе путешествия менялось и привычное восприятие их как *чужаков*. Именно такое представление о турках как о совершенно *иных* людях, у которых «всё не так, как у нас», – лежало в основе традиционного стереотипа. «Всемирный путешествователь» после описания диковинной турецкой одежды замечает: «Приветствие турок столько же с нашим различествует, сколь и одежда... Турки никогда и ни перед кем не снимают чалмы. Сим образом, что у нас почитается за знак уважения, у них было бы принято за поругание». Эти различия касаются и многих других предметов: оформления жилища («На стенах вместо картин написаны золотом стихи из Алкорана»), ночной одежды («Вместо колпака надевают маленькую чалму и спят в портках и в полукафтанах»), внешнего вида: «Сколь нам кажется странно видеть их с долгими и вычерненными бородами, столь они находят чрезвычайным наши долгие волосы и парики, кои называют *чёртовым гнездом*. Турки разнятся с нами также по поводу почетного места. Они предпочитают левую руку правой...». То есть турки описываются как иной народ, у которого *необычные* порядки и *странные* привычки *заменяют* (характерно частое использование предлога «вместо») соответствующие элементы европейского уклада.

Подобное отношение в полной мере было свойственно и путешественникам. Турки – «народ чуждый нам во всех отношениях», – говорит В.Б. Броневский, и эта их *чуждость, странность, необычность* подмечается многими авторами. Мичман с российского судна Е.Е. Левенштерн, побывавший в 1799 г. на турецком корабле, с удивлением отмечает: «Они спят не на койках, а на коврах...». Через восемь лет П.П. Свиньин также обращает внимание на различия между «нашим» и «их» поведением и вслед за «Всемирным путешествователем» отмечает: «Понятия Турок не менее противны нашим, как и обыкновения их. Весьма непочтительно бы было кому-нибудь из нас войти в общество в шляпе – Турка напротив при людях не может снять чалмы своей; едучи в гости, мы надеваем башмаки – он их снимает; Турки даже садятся

***Фонтаны, мосты и караван-сераи (постоялые дворы), устроенные на дорогах, где уставший странник без платы находит покой и прохладу, суть памятники их душевной доброты, достойные подражания.* В.Б. Броневский.**

***Турецкий флот наружностью очень красив; корабли все... хорошо ходят, вооружение порядочное, а управление кораблей, к удивлению довольно хорошо.* П.И. Панафидин.**

на лошадей в противность Европейскому обыкновению с правой стороны». Конечно, эти «странности» нередко вызывают раздражение: «Ничто не может быть страннее видом и бестолковее по смыслу Турецких писем», – восклицает путешественник и тут же описывает диковинный способ письма: «Турки пишут на длинной лощёной бумаге от правой руки к левой, толстыми перьями из бамбуковых тростей; буквы их весьма мудрёны, и когда хорошо написаны, то составляют прекрасный рисунок».

Однако раздражение – не единственная реакция на проявление *инаковости*, гораздо чаще путешественники демонстрируют более взвешенный подход. Тот же П.П. Свиньин, указав на существенные различия в обыкновениях русских и турков, замечает: «Впрочем, разность обычаев не может никогда быть ни порицаема в народе, ни ставиться ему в порок...». Надо признать, что такого рода «декларации толерантности» не всегда последовательно воплощались на практике, однако уже сам факт наличия подобных установок в сознании путешественников является весьма показательным. Эти установки формировали качественно новое отношение к Иному, при котором отличия «их» от «нас» воспринимались уже не как раздражающее отклонение от нормы, а как закономерное явление. «Диковинные обычаи» переставали казаться пугающе чуждыми и всё больше привлекали внимание наблюдателя. Появлялось естественное желание найти объяснение всем «странностям», в результате чего «народ чуждый нам во всех отношениях» становился чуть более понятным, а значит и менее чужим.

Примером такого подхода могут служить фрагменты из записок В.Б. Броневского. Как уже отмечалось, по его мнению, ошибкой европейцев в восприятии турок является привычка судить «о действиях их и побудительных к тому причинах... по соображению со своими обычаями». Стремясь избежать подобных заключений, путешественник «предоставляет слово» самим туркам, приводит *их* объяснение какого-либо обычая. Например, отмечая, что в Турции «разбирательство, решение суда и исполнение по оному оканчиваются весьма скоро», В.Б. Броневский пишет: «Турки сами признают, что при поспешном их суждении иногда погибают невинные, но они в оправдание своё говорят: “Лучше пожертвовать десятью овечками для истребления одного хищного волка, нежели дать ему способ задавить ещё сотню и другую“». По наблюдению путешественника, «Турки думают иначе о исполнении смертных приговоров и говорят, что лучше умереть нечаянно, нежели продолжительно страдать в ожидании определённой казни... необходимая смерть, определённая законом, тем самым по возможности облегчается».

Показательно также и рассуждение об отношении турок к женщинам: «Заключение женщин есть следствие многожёнства, и сколько сие обыкновение нам кажется странным, столько свобода наших женщин удивляет Турок. Они думают, что вольность

жен необходимо должна влечь их к распутству, и потому полагают, что нет между Христианами ни одной честной женщины. Турчанки еще более удивляются сему: они не понимают, как открыть лицо или обнажить шею пред глазами общества мужчин, торжественно обещавши хранить прелести только для одного мужа. Если Европейцы говорят, что держать взаперти и лишать невинных удовольствий любимую особу есть неблагодарность, то Азиатцы отвечают, что низко мужчине отказываться от господства, данного ему природой и законом Божиим. Если говорят им, что множество содержимых в сералях женщин производят беспорядки и смуты, они отвечают, что десять повинующихся женщин менее делают замешательства, нежели одна повелевающая». Здесь автор не просто приводит обоснование турецкого обычая – он моделирует некую воображаемую «дискуссию» между «Европейцами» и «Азиатцами», в которой обе стороны выступают на равных, вне рамок пресловутой оппозиции «дикость – цивилизация», и оперируют одинаковыми по силе и убедительности аргументами.

Апология турок, или Преимущества личного общения

Преодолеть исходное восприятие турок как чужаков помогало личное общение с ними путешественников. Условия для такого общения складывались в разных ситуациях, в том числе в ситуации плена (как российского, так и турецкого). У российских офицеров отношение к пленным было самое благожелательное. П.П. Свиньин с большой теплотой пишет о пленном чауше Селиме, который находился на флагманском корабле и сумел завоевать расположение россиян: «Адмирал (Д.Н. Сенявин. – *П.К.*) отправил сегодня чауша Селима с письмом к Капитан-паше... Мы так привыкли к этому доброму Турку, что с сожалением расстались с ним, и он, сколь ни хотел возвратиться в отчизну, плакал при прощании. Селим с точностью исполнял догматы своей веры – ничего не пил крепкого и прилежно молился три раза в день Богу. Для молитв своих весьма любил он уединяться в мою каюту». Итак, по свидетельству путешественника, между пленным турком и российскими офицерами завязались теплые дружеские отношения. Более того, благодаря Селиму на российской эскадре узнали о судьбе пленных товарищей – экипажа разбившегося корвета «Флора», захваченного албанцами и отправленного под конвоем в Константинополь: «Чауш Селим сдержал свое обещание со всею исправностью честного Турки – уведомить нас о положении Кологривова (капитана «Флоры» – *П.К.*) и всего экипажа в Константинополе.

Когда Турки входят в мечеть, омывшись наперёд и скинув туфли, они поднимают очи к верху и, поднеся руки к чалме своей, кланяются, оборотясь ко знаку, поставленному на стороне, в которой лежит Мекка. Потом, опустя вниз глаза, становятся на колени, три раза целуют землю и читают или шепчут молитвы, делая разные телодвижения, из коих некоторые повелены законами, а иные чинятся из усердия. **Де Ла Порт Ж. Всемирный путешествователь... Т. I. СПб., 1800.**

Во всех турецких комнатах нет никакой мебели для сиденья, кроме диванов. Эти диваны устроены около стен. Знатные люди садятся на них, поджав ноги и держа в руках длинные чубуки, которые другим концом примыкают к поставленной на полу золотой вазе. Стоящие на коленях невольники наполняют её табаком, по мере того как она выкуривается. За баллюстрадой помещена стража из чёрных и немых слуг. Они готовы исполнить всякое повеление своего властелина.
Костантинополь и турки. Т. II.

Многие янычары на пленном корабле «Сетель-Багер» имели от него поручение сказать нам, что Кологривов и все его офицеры живы и здоровы; комиссию сию раздал он по всем кораблям различным лицам. Вот маленькое свидетельство честности Мусульман, коею могут они похвалиться пред многими Христианами. Слову Турки можно поверить лучше клятв другого».

Турецкий корабль «Сед-Эль-Бахр», о котором говорится в приведённом фрагменте, был захвачен россиянами во время Афонского сражения; среди пленников был и сам адмирал Бекир-Бей, также упоминаемый разными мемуаристами, и в первую очередь – П.П. Свиньиным. «Он такой почтенный и весёлый человек, что был душою наших забав и обществ. Бекир-Бей, лет под шестьдесят, но очень сильный и видный мужчина, в поступках его замечается важность, следующая высокому его сану, а во взорах блестит необыкновенный ум... Он жил в большой каюте у Адмирала за занавесем, который поднимал, как по сигналу, поутру, когда собирались мы к завтраку... Сенявин, вышед из спальни, приветствовал его по-Турецки с добрым утром. Тут мы все подходили к нему: тот здоровался с ним по-Гречески, другой по-Англински, третий по-Французски, а он всем ответствовал одинаково: How do you do, bon jour, asseyez vous... Начинался смех, и целый день был он нашей забавой. Мы садились вкруг его, мучили его вопросами, а он отделывался острыми шутками и анекдотами...» Вслед за этим восторженным описанием П.П. Свиньин приводит примеры остроумных высказываний турецкого адмирала (то же самое находим и у других авторов), а затем рассказывает о прощании с ним: «С слезами, и самыми искренними, расстались мы с милым Бекир-Беем. Он записал все наши имена, вытвердил их наизусть и обещался быть другом повсюду всякому, кто придёт к нему от нас... С моей стороны я также буду хранить во всю жизнь вензель его, который он написал мне в альбом, и передам его в потомство своё, как весьма драгоценное для меня воспоминание».

По приведенным цитатам видно, что личное общение с пленными турками существенно меняло исходное представление путешественников об этом народе. Конечно, не каждый пленный турок разговаривал с офицерами по-французски и остроcловил с адмиралом, однако важно другое: именно по таким людям, как чауш Селим и адмирал Бекир-Бей, у российских офицеров складывалось представление о народе, в результате путешественники

Для тяжёлого и ленивого Турка, который вечно сидит поджав ноги, курит свой бесконечный кальян и не любит беспокоить себя движением языка, удовольствие слушать сказочника и смотреть на его гримасы – истинное блаженство. ...Обыкновенное место сказочника – кофейня. Оттого сказочники и пользуются в Турции большим уважением.
Константинополь и турки. Т. II.

в той или иной мере усваивали *позитивную установку* в описании всего турецкого.

Как ни парадоксально, эта позитивная установка в известной степени была свойственна и тем россиянам, которые оказались в плену у турок. В феврале 1807 г. российский корвет «Флора» потерпел крушение у албанских берегов. Команда корвета, в том числе несколько офицеров, была захвачена в плен и под конвоем отправлена в Стамбул, где заключена в тюрьму. Всё произошедшее было описано двумя участниками событий – лейтенантами В.А. Сафоновым и Н.М. Клементом. Записки последнего были опубликованы спустя почти двадцать лет в «Северном Архиве». Что же касается В.А. Сафонова – отрывки из его «журнала» увидели свет в 1819 г. в третьем томе «Воспоминаний на флоте» П.П. Свиньина. А оригинал этого дневника в настоящее время хранится в Отделе рукописей РГБ. Помимо текста, в нём есть карандашные и акварельные рисунки автора.

Конечно, мемуаристы с негодованием описывают тяжёлые условия содержания пленных, жестокое обращение с ними как со стороны конвоя, так и со стороны местного населения в некоторых деревнях и городах. Однако при внимательном чтении можно обнаружить, что оба автора демонстрируют в сущности неожиданно толерантное отношение к туркам. Хотя негативные оценки преобладают, они относятся лишь к конкретным людям, но не ко всем туркам вообще.

Россияне находят в Турции и турках немало привлекательного. Например, разные авторы в один голос хвалят турецкие водопроводные сооружения. Тот же Н.М. Клемент, описывая свои злоключения в турецком плену, признаёт: «Во время моего путешествия в различных странах я нигде не видел, чтобы водопроводы были доведены до такой степени совершенства, как в Турции». В.Б. Броневский и П.И. Панафидин восхищаются водопроводом и фонтанами на Тенедосе, отмечая, что «Турки заслуживают подражания в сём искусстве: нигде нет столько воды и так роскошно устроенной; это – их религиозность. Мусульмане оставляют капитальные суммы для устроения ключей по дорогам, и едва ли не полезнее это старинного нашего обыкновения устраивать монастыри, на которые оставляли наши предки большие суммы».

Весьма позитивно отзываются путешественники и о турецком флоте. П.И. Панафидин замечает: «Турецкий флот наружностью очень красив; корабли все – постройки известного Лебрюня; хорошо ходят, вооружение порядочное, а управление кораблей, к удивлению, довольно хорошо».

В.Б. Броневский, описывая Тенедос, восхищается турецкой архитектурой: «Турецкая часть города с прекрасными мечетями и минаретами, украшенными позлащённою луною, не могут не понравиться тому, кто их в первый раз увидит. Смесь Греческого и Арабского зодчества, витые колонны, множество весьма несовершенной резьбы, какая-то странная, но приятная несоразмерность и разнообразие бросаются в глаза». Чуть ниже он описывал побережье Малой Азии: «Множество минаретов в виде колонн и белых пирамид, длинные и узкие, наподобие стрел, трубы, строение домов, совсем отличное от нашего, украшая веселое местоположение, придают прелестный вид даже и маленьким хижинам». Показательно, что *турецкое* здесь характеризуется как «странное, но приятное» или «совсем отличное от нашего», но «прелестное».

Ещё одна сфера, в которой, по мнению В.Б. Броневского, турки достойны подражания, это их система правосудия: «Турецкие законы очень строги и точны... Правосудие Турецкое основывается на доказательствах вероятных, на разуме дела и здравом смысле; судьи их славятся проницательностью и праводушием, ибо достоинства сии почитаются необходимыми для сего звания...». Вообще, в материалах В.Б. Броневского позитивная установка по отношению к туркам проявляется наиболее ярко. Находя у них множество положительных качеств, он, в частности, показывает, что многие традиционно приписываемые туркам недостатки являются лишь продолжением их достоинств. Чрезмерно жестокое (с точки зрения европейцев) наказание за обвес при продаже хлеба («За сей проступок виновного гвоздём за ухо прибивают к столбу») объясняется особой честностью этого народа и строгим порицанием всяческого обмана. «Честность Турок, – отмечает путешественник, – заслуживает особенное внимание и поистине достойна нашего удивления. Купцы их верят друг другу на миллионы, без векселей и записей, на одно только честное слово, и выдают деньги при одном свидетеле... Турки столь гнушаются обманом или подлогом в торговле, что если вы, пришед в Турецкую лавку, покажете сомнение о качестве или цене товара, то Музульманин примет сие за крайнюю обиду и часто скажет: «Неужели вы принимаете меня за Христианина?» Таково их мнение о всех Христианах, которое в некотором отношении частию и справедливо». В подтверждение своих слов путешественник приводит случай, представляющий образец турецкой честности: «Один чиновник нашей Миссии послал дитя пяти или шести лет купить око (=3 фунта. – примеч. В.Б. Броневского) винограда. Ребенок, пришед на рынок, подал деньги, купец, взглянув на него с улыбкою, спросил: «Далеко ли отсюда дом твоего господина?», и расчислив, сколько мальчик может дорогою съесть, за те же деньги отвесил ему полтора ока, и, отдавая виноград, сказал ему: «Я не хочу, чтобы господин твой подумал, что я обманул дитя, но попроси его, чтобы впредь присылал слугу повернее тебя».

Честность – далеко не единственное достоинство, которое В.Б. Броневский находит у турок. По его мнению, столь же неотъемлемыми их свойствами является «личная храбрость, величие души и мужество». У них «тихий, задумчивый и благородный» характер; они «не мстительны и обиды охотно забывают». Путешественник приписывает туркам великодушие, душевную доброту, сострадательность и гостеприимство, а также хозяйственность, умеренность, терпеливость и набожность. По наблюдению В.Б. Броневского, «скупость и жадность к приобретению богатств... существует только между вельможами». «Вообще же, – замечает он, – бескорыстие Турок, их щедрость к неимущим, исполнение данного слова, особенно благодарность, при совершенной их необразованности, суть такие добродетели, которые могли бы украсить и самые просвещённые народы».

с. 41

Дневник лейтенанта Софонова

На этих страницах мы воспроизводим два небольших фрагмента дневника русского морского офицера лейтенанта корвета «Флора» Василия Алексеевича Софонова и пять его акварелей. Корвет «Флора», участвовавший в боевых сражениях с турецкими военными судами, затонул во время шторма у берегов Албании в январе 1807 г. Офицеры и матросы с «Флоры» оказались в плену.

В дневнике описывается полный лишений и невзгод пеший переход русских моряков от албанского побережья до Стамбула — по очень приблизительным подсчётам, около семисот километров. Маловероятно, что дневник писался «на ходу» — для этого не было никаких условий, судя по воспоминаниям автора. Можно было бы предположить, что Софонов делал записи в стамбульской тюрьме, когда русский лейтенант употребил во благо себе и товарищам свои художнические способности, не являвшиеся в то время редкостью среди офицеров флота, — ведь им приходилось зарисовывать, и как можно более точно, то, что сейчас без всякого усилия можно заснять на фотографическую, цифровую или видеокамеру. «Под конец сверх того я нечаянно открыл ещё способ помогать себе и любезнейшим моим товарищам: выпросив красок и бумаги, нарисовал я однажды маленький морской эстампец для Турки, которому чрезвычайно он понравился», — пишет автор. Но скорее всего, дневник был написан Софоновым уже в России. На такую мысль наводит надпись на первой странице небольшой книжки в кожаном переплёте:

Подарен в знак памяти милому и любезному другу Василию Алексеевичу Софонову преданнейшим и многолюбящим его гусаром кн. М. Баратынским.

В знак памяти тебе безделку приношу —

Взглянув, читав, писав, меня вспомнить прошу!

С-Петербург, 16 июня 1808 г.

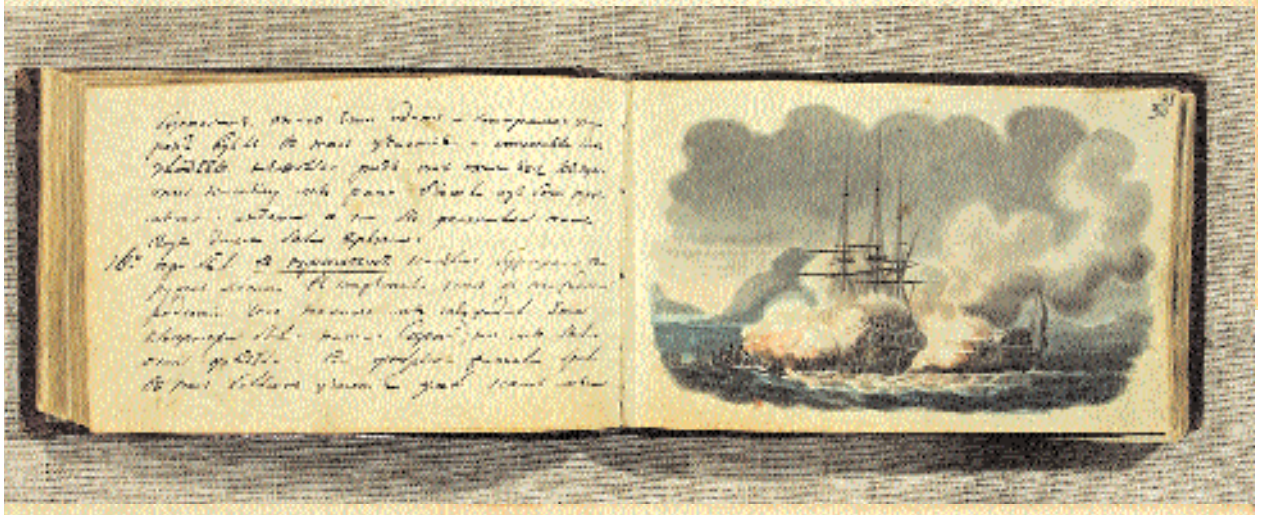
Дневник В.А. Софонова был опубликован полностью в книге П.П. Свиньина «Воспоминания на флоте». К сожалению, подготовка текста была проведена очень небрежно. Публикуемые нами фрагменты сверены с рукописью.

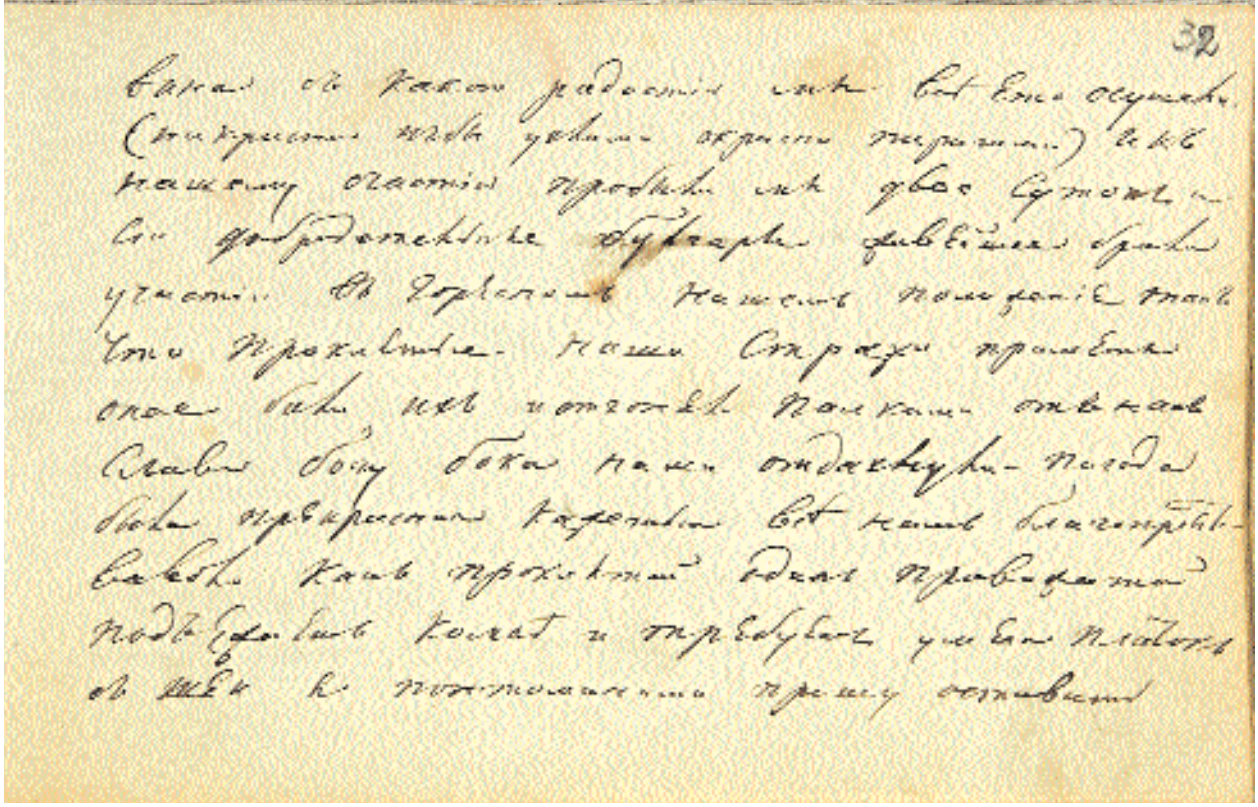
Акварели В.А. Софонова публикуются впервые.

НИО рукописей РГБ. Ф. 178, ед. хр. 4878.

[13 февраля, г. Монастырь] ...Во все сие время Турки не переставали нас беспокоить, так что один из старших Турок взял в нас участие и отгонял сих злодеев несколько раз от окошек. К счастию нашему, мы рано вышли из сего проклятого места, а то бы досталось нам еще; дорога была грязная.

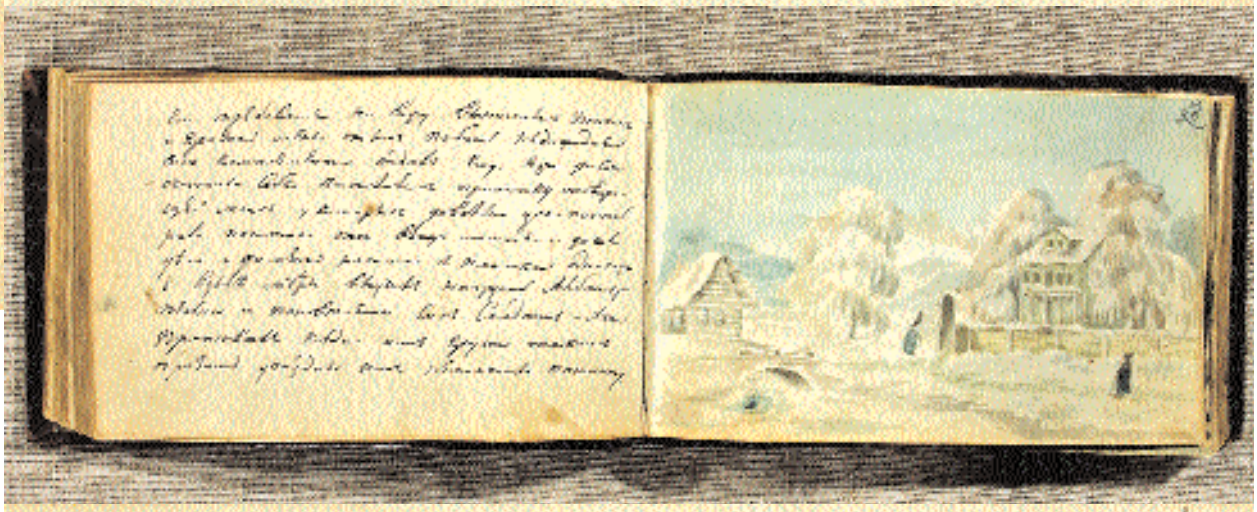
18 прибыли в Прилеп. Населен Булгарами, окружен лесами. Встретили нас с неожиданной радостию, чего никак мы не ожидали. Хотя квартирою был нашею сарай, но мы были очень довольны. Сии добрые жители брали в нас большое участие, дали нам мяса, вина. С какой радостию мы все это осушили (не красна изба углами, а красна пирогами). И к нашему счастию, пробыли мы здесь двое суток, и сии добродетельные Булгары живейшее брали участие в горестном нашем положении, так что проклятые наши стражи, приметя оное, били их и отгоняли палками от нас. Слава Богу, бока наши отдохнули: погода была прекрасная; кажется, все нам благоприятствовало. Как проклятый один провожатый подъезжает ко мне и требует у меня пла-

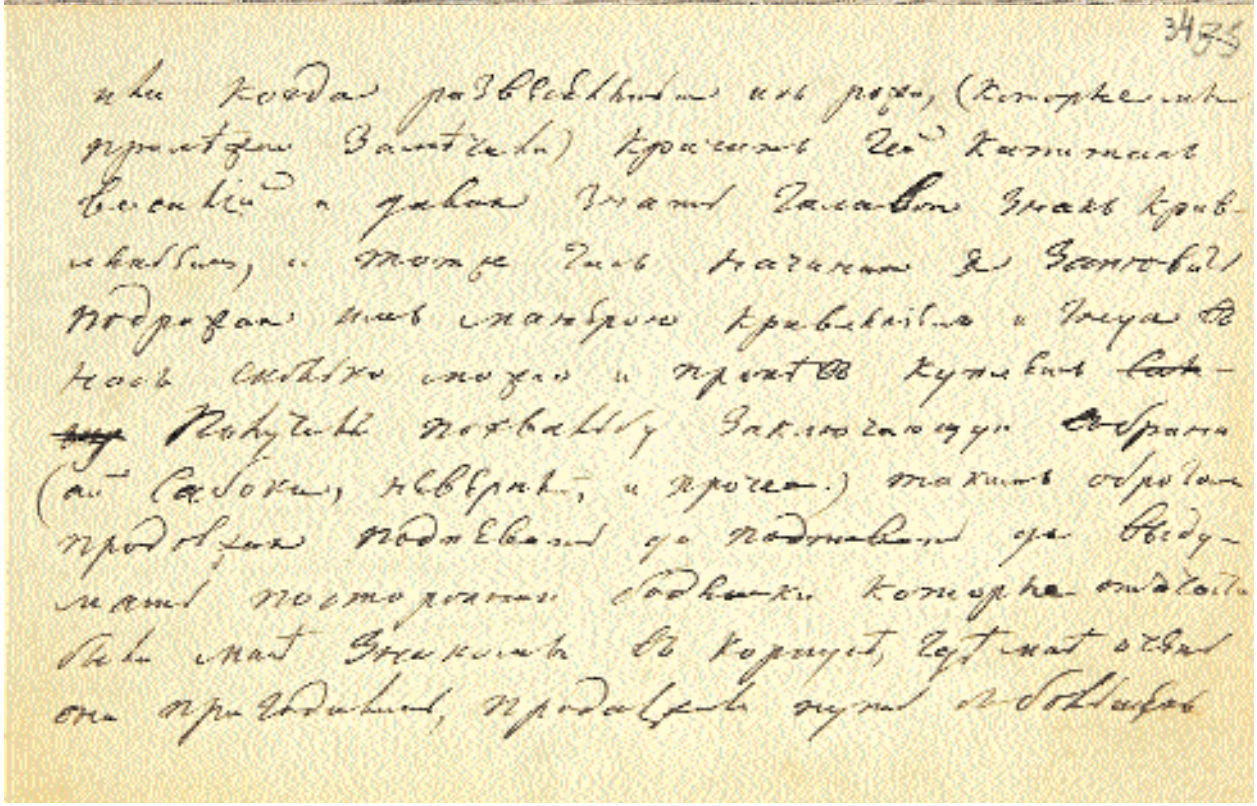




ток с шеи; я пантомимами прошу оставить его требование, но вижу — вынимает этаган и грозится меня оным побить. Не дожидаясь сего комплимента, отдал ему. Я же до сего считал себя счастливым противу товарищей моих, у которых довольно уже поотобрали, почитая оные вещи лишними. Дошло дело и до меня, начиная с платка. Однако же я взял меры: выучил наизусть албанскую песню и по повелению сих солдат и аги пропевал, когда им грустно; таким образом угождая им, не платил пошлину.

Или когда развеселятся их рожи (которые мы прилежно замечали), они кричат: «Гей, капитан Василий!» Давая знать головою, (знак кривлянием), и тот же час начинаю я запевать, подражая им манерою, кривлянием и гнушу в нос, сколько можно; и пропев куплет, получал похвальбу, заключавшуюся в брани («Ай, собака неверный» и прочее). Таким образом продолжал напевать да подпевать, да выдумывать постороние бадяжки, которые отчасти мне знакомы в корпусе, где мне очень они пригодились, продолжал путь с большею выгодою против товарищей моих.





[25 февраля, г. Севас] ...К сему виновнику всех миров, к сему всеобщему отцу обращаюсь я ежедневно со внутренним ощущением ничтожества моего и поклоняясь со страхом, препинающимся языком произношу: «Помилуй меня, о Вечный, пылинку, о Беспредельный, слабого. Странствующего во тьме, бедного, немощного!» Таким образом, удивляясь премудрости Божей, дошли до водопоя и хижины. Два года тому назад состроен оный пашою в преизрядном вкусе и к месту. Вода течет с высоты гор и шум делает великий чрез несколько каменных порогов и падает в яму, отступя от оной на три сажени. Сделана мраморная стена, в которой 4-ре крана и на цепочках ковшички. Старец на сей случай вышел из хижины, дал утомленным напиться. Стена же вся исписана турецкими золотыми буквами: кто сие сотворил и которого года. Сей почтенный старец болезненно смотрел на нас. Видя меня больным, с состраданием вынес мне кусочек хлеба, за что я очень его благодарил, ибо два дня ничего не ел. Вскоре закричали наши провожатые *гайда!* — и так мы расстались с ним.

с. 36

От «варвара» к «дикарю», или Плоды Просвещения

В результате непосредственного наблюдения и личного общения с турками в ходе военной кампании изначальное негативное представление о них было отвергнуто мемуаристами как неверное, и перед читателем возникает совсем иной образ турка, ничем не напоминающий так хорошо знакомого ожесточенного варвара... Турки описываются преисполненными всяческих достоинств и с явной симпатией. При этом сохраняется традиционное противопоставление турков европейцам, однако теперь оно расценивается противоположным образом: турки оказываются более добродетельны, более набожны и порой более разумны, чем европейцы. «Их понятия о вещах весьма просты и ограничены; они располагаются по настоящему, скоро забывают прошедшее и не думают о будущем... Верование в предопределение, первоначальный догмат их веры, во всяких случаях жизни делает их покорными судьбе, и потому-то, поджав ноги под себя, большую часть жизни они сидят, пьют кофе, курят табак и не имеют ни малого любопытства. Книги, как думают они, служат только напоминанием о глупостях человеческих, и потому, кроме Алкорана, и то весьма немногие, других книг не читают. Не зная ни грамоте, ни наук, ни искусств, живут очень покойно и хладнокровны ко всему учёному. Познания, необходимые в жизни, переходят от отца к сыну, и потому-то ремесленники их... превосходны».

Былой ожесточённый варвар, ленивый и непросвещённый, под пером путешественника превращается в добродетельного мудреца, удалённого от бессмысленной суеты и лишённого пустого любопытства к бесчисленным «глупостям человеческим».

Надо заметить, что образ «благородного дикаря» (как и образ ожесточённого варвара) в общих чертах был знаком российской образованной публике – читателям Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро и других авторов, в сочинениях которых формировалась известная концепция «идеальной первобытности». Приверженцы этой концепции рассматривали «дикое» состояние как «счастливое детство человечества, беззаботно жившего по законам природы»; развитие же цивилизации мыслилось как искажение этих законов, победа пороков над добродетелями. В этой модели принципиальное значение имело противопоставление «естественного» и «искусственного». Ведя *естественный* образ жизни и будучи

ближе к природе, «дикари» превосходили просвещённых европейцев не только в физическом плане, но и в нравственном.

Нередко положительным образцом для сравнения в такого рода сочинениях становился и Восток. В своё время это направление было довольно популярно в европейской литературе (наверное, самый известный пример – «Персидские письма» Ш.Л. Монтескье).

Анализ текстов «путешествий» показывает, что, полемизируя с устоявшимся представлением о турках как о жестоких притеснителях и беспощадных варварах, путешественники в значительной степени исходили именно из логики модели «идеальной первобытности», и альтернативный образ турка во многом формировался в соответствии с образом «благородного дикаря». Этим же можно объяснить и критические выпады по адресу европейцев (христиан).

Очевидно, что это новое представление о турках (безусловно, претендующее на объективность) было столь же далеко от реальности, как и изначальное. Опровергнув один устойчивый стереотип, наши авторы взяли на вооружение другой. Демонизация турок сменилась их идеализацией. Подлинные же турки при этом ускользали от взгляда и пера наблюдателя. Вожделенная *объективная* этнографическая реальность, как песок, просачивалась сквозь пальцы, оставляя в руках лишь несколько песчинок...

Трудно сказать, насколько сами путешественники осознавали эту проблему. В основном они, конечно, были искренне

убеждены в истинности полученного ими нового знания. Однако, по крайней мере, у двух авторов находим любопытное замечание о свойственных туркам *противоречиях* в характере и привычках: «Моются по три раза в день и неопрятны, потому что белье редко переменяют; лакомы и вместе воздержаны; сострадательны к животным и жестоки к неприятелям; соединяют простоту древнего Парфянина с изнеженностью Азиатца; невольники приличностей и свободны лично; сладострастны дома и непорочны в обществе; ленивы в праздности и живы и деятельны в сражении». Это наблюдение В.Б. Броневского перекликается с аналогичным высказыванием П.П. Свиньина: «Нет, конечно, другого народа на земле, который бы, подобно Туркам, исполнен был поразительных противуположностей в жизни и в характере, составляющих столь странную смесь пороков и добродетелей». С одной стороны, эти замечания можно расценить как указание на ещё одну необычную черту турок. С другой стороны, сам по себе тезис о противоречивости может быть попыткой (пусть даже неосознанной) избежать стереотипного описания. Заинтересованному и внимательному наблюдателю, стремящемуся представить турок такими, какие они есть, при постоянном (и довольно близком) общении с ними становится всё сложнее изображать объект своего наблюдения одной краской. Турки, какими их видят путешественники, оказываются *противоречивыми*: в них есть и «порок», и «добродетель», что-то от жестокого варвара, что-то от благородного дикаря – но они не являются ни тем, ни другим.

Что же заставило путешественников спорить с традиционными представлениями? Что двигало ими в этой полемике, помимо общего для всех путешественников соблазна разоблачения устоявшихся стереотипов? Материалы путешествий свидетельствуют, что при всей клишированности восприятия Иного, авторам всё же была свойственна самая главная черта подлинного этнографического исследования: стремление не просто заметить и описать, но еще и *понять Другого* – исключительно редкое и крайне полезное качество, столь же необходимое сегодня, как и двести лет назад...

Константинополь.

В оформлении статьи использованы иллюстрации из книг: Константинополь и турки. Т. I–II. СПб., 1845. РГБ: И 182/116; Д 10а/101; Méry. Constantinople et la Mer Noire. Paris, 1855. РГБ: W 311/21.

Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении Кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. СПб., 1818–1819. РГБ: R 157/33; Δ 421/136.
Свиньин П.П. Воспоминания на флоте. СПб., 1818–1819. РГБ: T 43/244.
Панафидин П.И. Письма морского офицера (1806–1809). Пг., 1916. РГБ: V 160/123; U 322/114.
Клемент Н.М. Записки Русского Офицера о плавании в Средиземное море и о пребывании в плену у Албанцев и Турок // Северный Архив. 1823. № 17–18. РГБ: XXIV 1/31; 32.